

Людмила
Сурова

ДЕРЕВЬЕВ ЛЕСА́

Стихи и эссе

Москва
2014

УДК 84(2Рос=Рус)5-6
ББК 881.161.11

С90

СУРОВА Л. В. Деревья леса. Стихи и эссе.
С90 М., Изд. Россельхозакадемии. 2014 г., 88
стр.

В книгу поэта и педагога Людмилы Суровой вошли стихи и эссе 2009–2014 годов. Вся книга – это горячий отклик на нашу трудную жизнь, то горький, то лирический, то шуточный. Автор умело вплетает лирические интонации в исторические и духовные темы. Новые ритмы стиха подчеркивают остроту нравственных и духовных конфликтов эпохи. Любителям поэзии, не чуждым духовных дерзаний, книга будет интересна.

© Сурова Л. В. Текст. 2014.
© Прозоровская А. Г. Обложка.
Макет. 2014.

ISBN +) *Ž Ž+ " (' + \$Ž\$Ž&

2009–2014

От автора

В 2014 году грянули сразу два юбилея: 50 лет писательской жизни и 40 лет педагогической. Вместе – 90! Счастливая жизнь! Сколько успелось, спелось! Сколько оформилось и попало в руки учителей, родителей, детей!

А эта книжка охватывает последние пять лет, с 2009 по 2014 годы. Вся она – лирический, скорбный, шутливый отклик на нашу трудную жизнь. «Жизнь моя! Русь моя!» можно бы воскликнуть вместе с Блоком, так соединены дыхание и сердце с землей, с людьми, с той памятью времени, которая зовется историей. И что это за болезнь такая – любовь к Родине? И почему мы не хотим излечиваться от нее?

О Русская Земля, уже ты за холмом!

СТИХИ

В твой день

А. П.

Ты – казнь товарищей, мы – казнь страны,
Не пережили, нет, живем... стихи слагаем.
И новый мир, и все, что в нем,
Понять пытаемся – и отвергаем!

Все кровь нам чудится!
Тебе – все облик бледный...
О Русь безумная к сынам!
О, сын мой бедный!

6 июня 2012

Пока мы каялись, разрушили страну.
Пока канон учили и молитвы,
Без объявления войны, без битвы
Мы сделались рабы, рабы в плену...

И чем же соблазнились? Что вошло
В сердца и души, что затмило очи?
Сейчас назад смотреть нет мочи!
Горазды были говорить, и кто во что!

Все там оставили, и сердце, и труды,
И тот невиданный от века образ русский,
Все принявший в себя,
и горний путь, и узкий,
Разбивший в небесах для всех свои сады.

И все-то было больно за чужих,
И все себя теснили, укоряли...
И не заметили, как часового сняли,
Хранящего и мертвых и живых.

М.В.

Толст, короток, совсем не грек,
Но встал на берегу Понтийском
И что-то тихое изрек
То ли на русском, то ль на италийском.

Но в годы извержений не утёк,
А выжженной земле себя оставил,
Как дополнительный писательский паёк –
К тому, что не успел и не прославил.

Коктебель. 24 ноября 2009 г.

НЕ ЭПИГРАММА

Товарищу по цеху Татьяне Щербине,
у которой «утонули» чувства.

С того места, где вы стоите или висите,
Видно действительно то, что вы говорите.
Но не за тридевять земель, а в сторону шаг –
И там уже совсем другой свет и другой мрак!

Но слово на привязи у вас,
как французский бульдог.
А если за НИМ – вслепую, без рук, без ног,
Ползком, кубарем и, главное, пнем глухим –
То выведены из ада окажемся им!

Но сорок лет, конечно, пустыне отдай! –
Тогда и споткнешься в ночи о свой клондайк.

2009 г.

Коктебель. Памятник морякам

На запад, на запад,
руины поднимем потом,
Лети наша юность,
не знавшая поражений!

Какие разные, и все в одной могиле.
И больше их, не четверо,
Но эти как будто дали лица всем.

Один – поэт из них:
задумчив,
взгляд не здесь:
Грустит не о своей безгрешной смерти,
но видит нас.
Вокруг расположились
аттракционы детские,
Гарцуем, и учим гарцевать детей.

Но не на скакунах горячей крови,
А на подушках, на клавиатуре,
На карусельной сцене караоке...

В дверях ночного бара выются бедра,
притягивая взгляды.

Как она играет
своим, твоим,
растопленным музыкой телом!

Руслан! Руслан! Людмила ли твоя
Обольщена фатою Черномора?
Найдешь – узнаешь ли ее?

Кто внял из четверых?
Кто поднял слух из недр окаменевших,
Чтобы принять на грудь наш вопль позорный?

Всем выели сердца, всем слух замкнули.
Поди пойми в шумихе этой,
Кто кем родился и куда идет –
и любит, любит ли кого?

Молчанье каменное он сберег в ответ:
Прозрачна даль, объектов цели нет.

24 ноября 2009 г

Вот эта неживая девочка
с шариковым голосом –
Занозой во мне! клеточкой!
волосом!
Какие слова мои слышит она,
что понимает?
Какие в сердце
(ведь есть же оно!)
слагает?

14 августа 2009 г.

Дитя, читающее под зонтом
на остановке, на трамвайной,
Не уезжай!
Пусть кáтит в свой Содом,
Замри, замри
на полотне моем случайном!
Стой, как стояли здесь иные времена,
иные девы,
И разносила жизнь любви семена,
ее напевы.

23 августа 2009 г.

Мальчик в отчаянии решил не жить,
Папа-священник понять ничего не может:
Вечно теперь ему за окном, как птице, парить,
Дарить воздушные поцелуи девам прохожим,
Волосы трепать, нежные навевать слова,
Что жизнь хороша, хоть начинай снова!

2009 г.

Московская сиротская зима,
Ни снега, ни вьюги.
Русь залегла по кабакам, поди,
Мороженое, гретые котлеты,
Себя утешить где-то, где-то –
И вновь стрелять пойти,
Кто громче, кто дурей...
И сыновья не знают матерей.

2009 г.

Проболталась, проворовалась
И петь разучилась и выть.
Что с тобой, кормилица, случилось.
Чем народ свой будешь кормить?
Какую новую дулю запустишь под черепа?
Резиновую ли пулю?
И мягка она, и слепа...

2009 г.

Что поделываешь?

Ищу слова.

И сколько их!

Весь свет летит

голубками, орлами,

Дроздами, воронами,

снегирями –

Все в келью к Сергию

сообществовать с нами,

И Дух Святой

теснится среди них.

2010 г.

Умереть не удастся!

Душа – в крови,
 как ни травы,
 как ни морочь,
Все – сын, все – дочь,

Все – русский,
 новый или нет...
Крови своей
 ты дашь ответ.
Она не пощадит,
 как мать,
Не кинется
 стелить кровать
Пуховиком
 своей земли.
Душе гореть в тебе –
 внемли! –
Неопалимой купиной,
Детьми в печи,
 Ионой... мной!
Слова собирающей с утра
В темнице китова нутра.

23 января 2010 г.

Москва Россию предала.
Желает быть столицей мира,
И вызолотить купола
Зовет пришельца... аж с Памира!

Глава, отрубленная карлой,
Во поле брани спит-храпит,
И кости русские хранит,
Живых страшая лютой карой.

Наедет ли Руслан боец,
Чтоб милый людям град избавить
От карлы, что намерен править
Всем светом, иль ему конец?

Писавши это в двадцать лет,
Не ведал наш поэт великий,
Что съдут с рукописи лики
И сказочный нам явят бред!

Вот так-то «перья грызть», браток!
Слова как рыбки в сети ловишь
И судьбы Божии готовишь
К свершенью – очередью строк!

23 января 2010 г.

Власть опять у подлецов,
Эк, Россию угодило!
Что ни век – честім отцов,
Сокрушаем все правіла!

Не последний нынче ль раз?
Больно люд переменился...
Новый русский – дикобраз,
От всего-то открестился.

С белого листа начáть,
Как велели, так и начал.
В поле выйти ль прокричать?..
Поле есть... под рвы и дачи.

23 января 2010 г.

Вся Россия – село Горюхино.
Кому жить хорошо на Руси?
Ни Вернадского, ни Илюхина,
Ни Барклая, проси не проси!

Разве ветрами выдует зимними...
Разве сможем молитву стяжать...
Все виновны перед озимыми,
Сеять некому, некому жать.

12 февраля 2010 г.

Бывает, шелковые строчки
Летят как изо рта факира,
А эти – ножички-заточки,
Всю иссекли, – такая лира.
Иль разучилась голосить?
Иль головы нам не сносить?

2010 г.

Не удовольствий ищет Дон Гуан,
Он без любви жить не может.
Поймал звезду, и вдруг она к ногам,
К подножью ластится, зарядом бьет,
вот-вот стреножит!

Не ты! Опять не ты! О горе сердцу! Миру!
Наученному предавать,
Во всем,
во всем обманет нас природа-мать,
Не тронет тленье лишь святую лиру.

2010 г.

Нелюбимая дочка,
а живет дольше всех:
И побои видала, и войну, и грех,
И верит-не верит, – а Господь ей рех:
Старости жертву неси за всех!

2010 г.

Далеко убежала, заманили Москву
от своих от полей:
Ей заморского нынче подай,
аглицкого налей, –
И мятутся народы степей, судьбу потеряв,
После мамкиных рук-то – да оборотня обняв.

Июль 2010 г.

С дождем как оживилось население сада.
Показательные полеты ведут синичьи птенцы.

Слива трепещет от них, как живая,
 снуют по веткам,
Выклеывают лиловый,
 с бока треснувший плод.

А сколько их разом в траве обнаружилось
 жухлой,
Поднимается и молодая после жары...
 Выжили, значит.

30 июля 2010 г.

Кот прилег на бревно
и давай точить когти.
Весь напрягся, хвост подрагивает змеиный...
Египетский черный божок,
выгнул спину,
Собрался, свернулся,
агатовым ядом застыл.

И кого только Русь ни прияла в свою утробу!
Кого не найдешь у нас?
Не обнялись, не почеломкались – с кем?

Июль 2010 г.

Осень цветет.
А как там у Бога?
Будет ли осень?
Будет ли это богатство на новой земле?
Эта хрустальная первоначальная песня...
Светом раскинется ль?
В новое ль сердце уйдет?

4 октября 2010 г.

Пока жива душа,
Ее волнует трепет листьев,
Немногих, желтых,
На темной, черной,
Рукою выставленной ветви.

Другие вверх уходят,
Тоже трепет
На фоне неба,
Белого, седого,
В канун, в предрадость Покрова.

Иди, зима!
Сегодня мухами уже в окне летела,
Велела ждать на днях.

Приготовленья в городе какие?
Все на земле труды,
А тут, прибрать бы сердце,
Да силы рассчитать, часы и дни...
А там иди, наемница, заведуй!

13 октября 2010 г.

Они вышли за Россию.

Предатели должны уйти,
А кто научен лжи, –
Вяжи язык, и слух вяжи,
И сердца вопль вяжи!

Смотри на деточек святых,
И плечи подставляй!
Так Харитон в водах витых,
Христа несет, любя́й!

14 января 2011 г.

Вы же русские берёзы!
Вы погибнуть не должны.
Что дымы вам, что морозы,
Что вам лёд?! Крестом сильны!

Вы ж идете полем нашим,
Землю с небом единя!
Так, придя, и Богу скажем:
Край мой вышел за меня!

14 января 2011 г.

Дети не брали у фрицев конфет,
Были и жалостливые
 среди оккупантов,
 не все ведь звери.

А он набычился,
 жметя, как к мамке, к двери.
Такой вот дичок, волчонок,
 заморыш, ферт!

А степь за окном то затихнет,
 то воем взовьется,
Не видно ей там, не слышно,
 что́ этот вершок им отвечает.

Бубен луны схватила вьюга́,
 и качает его, качает,
Скорей же, время, скорей!
Христос навстречу несется!

14 января 2011 г.

Невыносимый этот снегопад!
Апрель в полу́, а он все валит, валит,
И рабство наше за свободу хвалит, –
Что сокровенное снесли в торговый ряд.

Да если бы очнуться, оглянуться!
Понять, в конце концов – вот он конец!
Со смертью нам уже не разминуться,
А с честью можем... коли правит лжец.

апрель 2011 г.

Уж сколько лет лежишь в земле!
Уж поросли быльем
Грехи, свершенные во зле, –
Очищены огнем.

И светлый луч когда с небес
Заглянет в тьму души,
Все думаю: воскрес! воскрес! –
Но писем не пиши.

9 января 2011 г.

Конец апреля,
пруд еще не снялся,
но пегим льдом покрыт.

Вода бежит из-под него
и пенится в плотине,
и рукавами разрезает луг.

Водовороты,
новые стремнины –
несется жизнь, заведенная раз.

Пасхальный паводок играет в долине,
в душе земли,
в земной душе у нас.

25 апреля 2011 г.

Улетают они за месяц до снега,
А прилетают, когда сажают картошку.

Нет, нет, жива!

И журавлиным клином,
его и альфой и омегой,
освящена опять.

Идут, идут,

полнеба обхватив свою сетью,
вращают маховик Руси,
скрепясь.

И рвутся вервия закрепы лихолетья,

И в клетоте – с Творцом
угадываем связь.

5–6 мая 2011 г.

Здравствуй, Георгий!
К дню твоему
красный расцвел цветок.

Сердце подъял
над плотью своей
Божией жизни росток.

Вот как земля тебя поняла!
Силою вторит своей.
Сияют мученичества крыла
народной любви к ней.

6 мая 2011 г.

Больший среди пророков.

Лес идет по земле,
первый ее насельник,
первый поклонник.

Где-то берёзовым стоном,
осиновым страхом,
А тут вот дубами вцепился в обрыв,
глинистый, красный.

Или раскинется по каменистому склону
святой можжевелевой рощей,
кипарисовой сродницей.

Разве пустыню одну
сильнейшему он уступит,
Нагому, бесстрашному,
попирающему
мира законы и скрепы.

И единого-то ему духа довольно для жизни,
и цветами не обольстится,
не усладится плодами
прелестницы оскверненной.

Всё-то на воду глядит:
то голубая она, белая –
от облаков и крыл голубиных,

То вдруг заискрится красным,
камнями ль играя?
тайное ли открывая верному другу?

Места которому нет, нет на свете!
Но дело свое знает –
и не оставит.

Июль 2011г.

И поставили его в высокую узкую вазу...

Какой же стати этот цвет!
Из райских древ, поди?
Воздвигся, как живой завет
Того, что впереди.

Того, что позабыли средь
Обманов и смертей,
Того, что не заглушит медь,
И меч, и сеть сетей!

Того, что ни в одном краю
Не отыскать теперь, –
А Он сказал: Я вам даю,
Я в это царство Дверь!

20 апреля 2012 г.

Есть много способов украсть –
Да не кради!
Есть много поводов солгать –
А ты не лги!

Ни в оправданье, ни в ответ,
Не для спасенья чести,
Наветом не сотрешь навет –
Они сольются вместе!

Таков закон у вселжеца...
Не лги, чтоб не сменить отца!

Июнь 2011 г.

Дезертиров хороним,
 одного, другого.
Вспоминают обычно хорошее
 на похоронах.
А тут, что говорить?
 Бросил, ушел, отступил,
Не выдержал, был слишком хрупким,
 слишком собой затенен,
 затемнен, замучен.
Мира какого снискал
 своей островерхой душе?
Сына родил –
 вот золотая заслуга,
Да не утонет в печалях отца!
 Но подумает ли
 труды понести за него?!Спи, горемыка,
 себя в себе схоронивший до срока.
Материн светоч, отцову надежду срубил.

24 июля 2011г.

Бесплатной водочки, колбаски,
Музон, веселенькие глазки –
И пляшет люд на похоронной тризне,
Не должен никому, ни Богу, ни Отчизне!
Лишь бомжика слепого бьет слеза –
Россия! Родина моя! Мои глаза!

Сентябрь 2011 г.

Нашу Москву созидала не сила, не власть человека!
Наша Москва родилась, и жила, и росла, как живая...
(М.Дмитриев. Семисотлетняя Москва, 1845 г.)

Боже, как она хороша!
Как умеет она повести плечом
И на руки ветра стряхнуть
Высочайшей пробы
Золотую листву кленов!

Знает, как изогнуть мосты,
Как провести их один под другим,
Связать, сцепить,
Так чтоб глазу не выбрать,
Куда ему прежде скользить!

О! ей не прямые линии правят!
Здания между собой дружат,
И естественным хаосом встречи
Первоначальный, задуманный строй
Нарушают и так растят свои стены,
Что они углов не хранят,
Привычных для храмин.

То кораблем остромысым
Выглядывают на перекресток:
Не идет ли дружок?
То распахнутся веером, зазывая во двор,
Или, смутившись, скруглятся вдруг
Пред флигельком графским иль княжеским,
Притаившимся здесь, как барчонок у липы:
Отбежал от няньки, глядь, –
На дворе уже время другое.

А уж лепится к небу она
Как ремесленная, как живая картинка
Синеблuzников-акробатов:
Схватились, вскарабкались, замерли, –
аплодисменты!
Голову повернул – рассыпались,
Или это другие?
И в новом танце застыли,
В новой жизни друг с другом!

...И разрубленная, она помнит себя!
И единого-то уголка довольно ей,
Чтобы грани перемешать,
Как русскому нужно духу.

Глубо́ко сокрыт он,
Не раз и не два погребенным его считали,
Но ступишь на землю чужую,
И свою слышишь, слышишь!
И не иссякнет она! Не пройдет! До последнего,
До обещанного нам гласа!
Только платить за нее в конце
Не придется ль нам кровью?..

15 октября 2012 г.

Рождественское

Побудь, душа, младенцем, как Господь!
Забудь, что накопила, потеряла,
Кого любила, и кому пеняла,
Кому вину вселенскую вменяла
За горечи щепоть.

Забудь и дом, ушедший в свой черед,
Родной ольхи сквозные косогоры,
Чтоб новые очам открылись горы,
Гряды к гряде идут, идут дозоры,
Архистратигом движимы вперед!

Младенец спит, утешен млеком жизни,
И ты с ней примиришь, о Ева-мать,
И полнись слухом – чтоб внимать,
Чтоб сердце светом пеленать
И возрастать в любви к Отчизне.

7 января 2013 г.

И пошла писать чушь и дичь
по обеим сторонам дороги.

Н.Гоголь

В руки Твои отдана.
На Твоих руках и умру.
Смутой полна страна,
Мечется на юру.

Каждый каждому чужд,
Тебе же – родные все, –
Умири нашу дичь и чушь,
Воюющие красе.

22 марта 2013г.

Там хорошо, и путь туда открыт, –
Но здесь отечество земное.
Здесь корень рода в землю вбит,
Здесь пращур во главе со мною!

Герои войн и труженицы-жены,
Крестьянский инженерный род,
В какой поход вы мною снаряжены,
Куда веду смиренный взвод?

16 января 2014 г.

На Покров

Розовый вечер, как ты хорош!
Кленам навстречу желтым идешь.

Тают дымы облаков в вышине,
Молится Русь Светлой Жене.

Несокрушимые есть рубежи!
Сердцу покров!

– Не скажи...

Ратное дело святыя пути.
Взбранная Дево, прости!

13 октября 2013 г.

Ветры колеблют деревьев леса,
Миру угроза и мира краса
Встретились в схватке – объятья крепки:
Стойки стволы, зыбки верхи.

28 марта 2014 г.

Мы жили там,
и мы не проклинаем это время:
Учились, и любили, и вели детей...
И жизнь неслась вокруг – и трудовое бремя
Народ держал без стонов и затей.

Страна – и мать, и дочь была
на этих вот руках!
Как отступить, предать, заснуть, солгать?!
Не на словах мы почитали отчий прах,
Мы силы брали в нем – и петь, и воевать!

И славить, строить этот мир!
И Бога в нем искать,
Который в совести храним,
Как нам шептала мать.

30 января 2013 г.

Ну что, товарищ каша,
Как твои дела?
Жизнь не допета наша,
Хоть немощны тела,

Хоть рта раскрыть не смеем,
Послушны подлецам,
И холим и лелеем,
Что звали стыд и срам.

И все закат к закату,
И все конец к концу –
И страшно Стратилату
Вести народ к венцу.

Декабрь 2013 г.

Бомж подал бомжихе грош.
«Что ты, братец, подаешь?
Самому, чай пригодиться...» –
Говорит ему сестрица.

Долу синий взор упал,
Этой песни он не ждал,
Этой высоты не взять:
«Что глазеешь, божья ...лядь!»

12 февраля 2014 г.

Где сокровище ваше,
там будет и сердце ваше.

Не хвалитесь священной кровью,
Коль на русском поете моем,
Ни землей своей, мертвою солью,
Ни любовью – припасть к изголовью –
Не богаты, ни миром, ни – в нем!

Эта скудость и топчет, и гложет,
И скрывает божественный лик,
Языком бы дошел, да не может
Позабить, где зарыл свой тайник.

25 февраля 2014 г.

В этот день творилась Одесская Хатынь,
но мы еще не знали.

Похоже, мы будем очень рано уходить,
Избегавшись, напредававшись,
Отдавши все, все потерявши,
Но нюхом чуя, где нам быть, а где не быть.

И в этом все! Мы не смогли вписаться,
Не приняли, не спелись, не срослись.
Нам жизнь не дали в руки,
а в ногах у ней валяться,
У подленькой – да провались!

2 мая 2014 г.

Еще и прошлый цвет не облетел,
Клен с носиками так и зимовал, –
И вот взорвался зеленью могучей,
Форсунки побежали по ветвям
Расцвести готовы вновь,
не замечая прежних.

Не так ли память о любви ушедшей,
ушедшей жизни,
Стоит среди буйства ярой плоти
Сухим крылышком бесцветным,
А воли новой сказке не дает.

10 мая 2014 г.

Внешняя фреска в нише храма видна с дороги.

Ангел в позе экосéза или сарабанды
Пред Единственной из жен... где-то в Андах,
По пейзажу судя, или в Пиринеях...
Он танцует пред склоненной пред Нею,
Открывает Ей небесные недра,
Щедро обещает боль, щедро!

24 мая 2014 г.

A black and white photograph of a rocky coastline. In the foreground on the right, a large, textured tree trunk is visible. The background shows a rugged shoreline with various rock formations and a few small trees. The sky is bright and clear.

ӘССЕ

Их же ради

Список должного

Раз в несколько лет на столе среди прочих бумаг появляется листок, обычно это узкая полоска бумаги, где в столбик пишется то, что необходимо сделать. Есть там уже начатые и по каким-то причинам отложенные книги, статьи, расшифровки лекций, которые непременно должны быть изданы, есть горячие впечатления, еще не имеющие первого черновика, есть долги: копится, копится какой-то материал, вроде уже весь собрался, заметок много, а сесть за него не удастся – и страшно. Так и с литературными заметками. Сколько их, рассеяно по столам, папкам, сколько начитано лекций еще по Обществу «Знание», когда-нибудь соберется, наверное...

Каждый раз, когда наталкиваешься на чью-нибудь книгу или статью о Пушкине, Лермонтове, Достоевском, Тютчеве, совесть начинает укорять – почему не дописала начатое, а значит – не додумала, почему?! должна, должна!

Вот с этим словом и живешь; один стишок так и начинался – «Всем должна и кругом виновата!».

Вырваться из-под этого гнета-призора не удастся; чуть отбежало сердце в книги, в новую какую-нибудь любовь, зарылось в странички, закладки, сноски, потрясло библиотечные фонды, понадоело друзьям: а нет ли у вас? а не можете ли достать где-нибудь, спросить у знакомых? – и скоро, скоро, жди, эта вольная воля с ее манящим ландшафтом, еще и не обеганным до конца, столкнется, как с усатым градоначальником, с внутренним окриком: назад! – и разом вспомнишь, что должна, конечно, должна вот это доделать, и это, и это – все так.

Но ведь жизнь тащит, как самолет на взлете, не двинешься, пристёгнут ремнями, вдавлен в кресло каждодневных трудов, и вот этот новый младенец начинает кричать в тебе. И сколько их кричит! Кричит стол, набитый черновиками, кричит жизнь, кричит память. Сколько лет надо жить, чтобы все написать? 200? 300? Или, как Авраам, 900? Святитель Димитрий Ростовский, написавший наши Жития святых, вернее переработавший Макариевские, но, конечно же, авторски, по-своему, все боялся не успеть, и одна деталь в его личном житии как-то особенно по-

нятна и трогает. Он завещал неоконченные им рукописи положить себе в гроб! Когда-нибудь напишется икона Святых русских писателей (где-то в бумагах даже есть композиционный набросок этой иконографии, художникам уже надоедала с ней) и в клеймах, возможно, этот эпизод будет присутствовать.

Страшно оставлять неоконченное – на последнем этапе, на шестой-восьмой папке все и сцепляется, и открывается, и срастается. Черновик так далек от окончательного текста, как будто другой человек писал и вовсе не про то! Так что, унести с собой недоделанное – жест понятный. Там, где ты не смог избавиться от себя, где еще только самый первый звоночек, погудка, побудка, там для других больше соблазна, чем пользы, и что жалеть – «умрет один из нас, она найдет другого!»

И все-таки в этих списках дóлжного есть какая-то правда; не по ним идёшь, нет, но как-то несешь все это сразу, и пишется об одном, а отвечается на другое. Или так зреет тема? Нет, это слово слишком суживает процесс словесного действия, которое течет в тебе, как какие-нибудь физиологические или биохимические процессы – реагируя на все окружающее, включаясь в доступное и включая его в тебя.

Но что же тема? Поле, куда вышло сердце. Когда выставили в Пушкинском катакомбную живопись, мы были поражены образами. Амур и Психея бегают на лугу, резвятся, как юные, еще не узнавшие тяготы страстей отроки, – душа и ее чистый возлюбленный! А ведь это – Христос и наша воспитанница, за которую идет бой.

Список дóлжного – это и список земель, долин, где побывало сердце, карта. Пожалуй, сравнение с местностью самое точное: был, знаю, там вот это, а там это, а этого и в помине нет. И тогда ясна задача: только свидетельствовать, ни для чего, для обозначения этого места-времени, которое почему-то перегородило тебе путь жизни, отворив новое пространство...

Итак, в этих списках должного есть одна тема, появившаяся году в 95–96-м, и стойко переходящая с одного листка в другой, именуется она – «Отец Глеб». Но здесь, почему же должна? Многие уже выступили с воспоминаниями, изданы и его личные записи, должен ли высказываться каждый?! Нет, не все, сохраненное памятью, достойно слова. Но образ отца Глеба Каледы, профессора Московского университета, геолога, принявшего священство сначала тайно, потом открывшегося миру, вышедшего на общественное

служение Церкви и сгоревшего жертвенным огнем служения, – образ этот – знак той короткой эпохи начала 90-х, которая стала уже частью нашего церковного предания, и частью замалчиваемой. А предание это не только свидетельство времени, оно открывает нам нашу сегодняшнюю жизнь, которая стоит на дворе, и кричит, требуя правды, и, почуяв ее, бежит от нее со всех ног.

Отец Глеб

О чем рассказать? Где произошла первая наша встреча? На курсах катехизации? Тогда прихожан известных московских храмов, а точнее, чад известных московских священников собрали учиться. Страшно произносить это слово, сейчас под ним понимается совсем не то, что тогда. Это было собрание жаждущих, пастыри наши делились с нами не богословскими знаниями, а опытом жизни с Богом. В беседах о Церкви, о Евангелии все время обсуждались вопросы: как жить сегодня, что открывает нам слово Священного Писания.

Нас было человек 200 в нижней аудитории строительного института на Разгуляе (кто-то из чад там преподавал и договорился, чтобы нас пускали по вечерам). Так, знаменитый дом колдуна Брюса, где когда-то был найден, а потом,

при очень туманных обстоятельствах, потеряв список «Слова о полку Игореве», собрал под своим сводом... кого? Что мы хотели? Московскую церковную интеллигенцию. А хотели мы ясно чего – поговорить о главном, о насущном, как всегда хочет московская интеллигенция: хлебом не корми – дай вонзиться в грудь проклятому вопросу. А тут вопросы были не проклятые, тут возникало, отверзалось новое благодатное пространство. Мы все жаждали встречи, искали друга в другом. Вот чем было не просто хорошо, но прекрасно начало 90-х, самое начало.

Давно церковные и малоцерковные люди, имеющие каждый свою профессию (немного было тех, кто уже оставил свое дело и стал служить в храме), мы начинали своими собраниями какую-то другую общественную жизнь. Мы читали все, что выходило; вал новой религиозной литературы обрушился на наши головы, но мы, привычные за ночь глотать ксерокопии в 300 страниц, были счастливы: мы делились книгами, зачитывали потрясшие нас абзацы, втаскивали все это в нашу жизнь, прижимали эти новые слова к груди, как родных детей – столько лет мы искали их! Эти слова и звуки, эту необыкновенную интона-

цию несли и наши учителя. Можно ли их так назвать, ведь никто никого не учил, не поучал.

Да полно! Вы просто не видели, не сталкивались с учителями, они были.

Но не главенствовали! Потому и не угасался дух, но разгорался, не пожаром, а какой-то лучистой энергией рассеивался в воздухе, наполняя всех радостью – начиналась новая жизнь. Вот что нес отец Глеб, вот каким человеком он был! «Мы – новые люди». Учительства он боялся; однажды так прямо и сказал мне: «Как я их боюсь!», понимая, а может быть, и предвидя, что может погасить радость и погубить то святое дело, которое мы начинали в нашей Церкви. А начинали тем, что несли все лучшее в себе друг другу, тем, что тайны тьмы собственной души не обсуждали ни на каких форумах, не устраивали публичного аутодофе ни своим грехам, ни чужим, – и они отмирали безвестными в глухих подземельях личности, разъятые и попяляемые благодатью. Теперь становится понятно, в какую сторону мы повернули потом, к какому иезуитскому сладострастию приохотились; а тогда мы, обретая полноту в новом единстве Церкви, неправильно говорить, что мы верили в Бога, или учились верить, – мы Его знали, и знали, что мы – Его! «Мы Его и род». И это

новое, а точнее, узнанное, открывшееся нам высокое сыновство укрепляло достоинство советского интеллигента, немного растерявшегося в своих идеалах.

Сейчас страшно произносить и слово «советского», а тогда мы его не произносили, так как оно было замылено лощеным краснобайством партийных демагогов, но советскими людьми мы были все. И отец Глеб был советским человеком. Что это означает? Несколько простых аксиом. Общественное выше личного, народное больше твоего. Труд выше праздности, работающий счастливей бездельника. Опыт старейших нужен молодым. Мастерство выше хитрости. Потребительство гадко, предательство унизительно, сколько бы за него ни заплатили. Продажность – бесчестие. Богатство – не цель жизни. Успех – не мера правды. Любовь – рай, который нелегко сохранить. Как близок, оказывается, этот список Заповедям Божиим!

Кстати, первая наша работа с отцом Глебом так и называлась «Закон и Заповеди Божии». Это был сборник программ для воскресной школы: работающие давно педагоги написали, что они делали, как вели занятия, дав как бы отчет о своей работе. И отец Глеб пригласил

меня быть редактором этой брошюры, он хотел поскорее дать ее в руки тем, кто вдруг, неожиданно для себя стал учителем: ведь в начале 90-х в храм за правдой кинулся весь народ, и почти все были с детьми.

Собственно, воскресные школы, это были толпы детей, приведенных родителями, которые сами впервые пришли в церковь, или даже не пришли, а зашли, или даже не зашли, а бабушке сказали: отведи его туда. И отыскивалось в каждом храме какое-то пригодное для занятий помещение, находились люди, которые могли, хотели и должны были говорить с детьми, – и вот, рождалась приходская школа. Мы двери не могли закрыть в учебную комнату – столько было народу! Помню в воскресной школе Елоховского собора, которую тогда возглавлял (тоже не то слово) о. Агафадор, ныне наместник Донского монастыря, было человек 90 детей. И вот один папа все просит о. Агафадора: ну возьми моего. А тот: да нет у меня места в классе, может, поближе к дому вашему что найдется, у меня и посадить его некуда. А папа: этот собор главный, пусть он тут у тебя посидит с краешку, пусть получит правильную сумму знаний. Папа мерил на «сумму знаний», ему так понятней, но что-то ведь его привело в храм!

Доверие этому святому месту и какой-то недостаток, нехватка чего то, – хочет, чтобы сын узнал то, чего он сам не получил.

Но важно, и другое: ничто внутри него самого не помешало ему прийти в храм, он чуял, что не к чужому шел, не к новенькому чему-то, а к родному, – не отторгала его советская душа, и повинная в развале, хищениях, угнездившейся в сердце хитрости, – не отвергала она Церкви, искала в ней высшей правды, которая и ей, может, даст силы на правдивость, стойкость, сопротивление злу, на всякое доброе дело – даст чистоты, смелости, ума.

И как же этого ищущего правды и добра человека уважал отец Глеб! Высокомерие, презрение, чувство превосходства были чужды ему, но дело даже не в этом, рядом с ним становилось ясно, что они чужды самой Церкви, тому святому собранию, которое вождем своим назвало Христа. Уважение о. Глеб не оказывал, не выказывал, глубокое внутреннее чувство вело его, определяло интонацию в разговоре, указывало меру откровения и знания, которые не испугали бы собеседника, но могли быть восприняты с пользой. Это была даже не педагогика, а какая-то особая форма единства с тобой. Любовь? Да. Но уж очень непривычно было видеть эту лю-

бовь ко всем, любовь, которая этих всех поднимала до таких высот, которые им были и внове, и страшны.

Да, это было не этикетное уважение; хотя привычки воспитания и деликатность, тоже никогда не афишируемые, делали пребывание рядом с отцом Глебом очень уютным. Помню, какое-то мероприятие готовили, закопались, конца не видно, и он предложил пойти быстро пообедать в столовую тут же на территории высокопетровского монастыря. Пошли, по дороге оказалось, что забыл кошелек, я успокоила, у меня есть деньги, хватит на двоих, позвольте заплатить? Ему было неловко, он посоветовал на забывчивость, но и извинениями долго не утомлял. А тут приключение: в столовой не оказалось хлеба, кончился, пока мы возились с бумажками. Давайте, говорю, я схожу в магазин, да нет, не надо, если только вы сами очень хотите, а я могу и без хлеба: бывал – без него не очень трудно. А без чего очень? Без соли. В пустыне приходилось быть какое-то время без соли. Тяжело.

Вот так, забытый кошелек приоткрыл занавес, который скрывал такую необыкновенную жизнь! Но как только вернулись, засели за дела, что мы тогда готовили, так и не вспомни-

лось, он нашел возможность этот двухрублевый долг вернуть, но опять без слов, не хочу, мол, или не люблю быть должником! Нет, он как-то не показывал, какой он, что он любит, что не любит, какие имеет привычки, историю, он не обременял вас собой, и предлагал всем жить свою жизнь, он как будто подносил зеркало жизни к нашим глазам, но сам в нем не отражался, не загораживал нам солнце. Наоборот, его прозрачность, как бы отсутствие личного эгоизма, самости, открывали нас свету, и весь свой огромный опыт, который мог бы служить ему пьедесталом, он дробил и сделал эти бесценные частицы прожитой им жизни нашим общим достоянием – пользуйтесь, смотрите, сопоставляйте. В этой осколочной форме опыт фронтовика, ученого-исследователя, профессора, мужа и отца шестерых детей, связавшего своей жизнью разные эпохи – был нам открыт, но не тяготил. Так, хороший писатель, чтобы увидеть движение жизни, не сосредотачивается только на своих впечатлениях, чувствах, даже скрывает собственный опыт, ведь это – лишь зажигание, лишь горючее, которое должно привести в движение другие механизмы, открыть и повести всех, и его самого, по-другому, новому пути.

Молчать о себе – духовный поступок, а у отца Глеба – это был стиль жизни, (опять не то слово, ничто внешнее не владело им, а стиль – диктатор, обязывающий поддерживать целостность видимого строя и парада). Молчит о себе лишь сокровенный человек, ушедший с поверхности жизни в ее глубину: не он жил, а жизнь жила в нем., а он нес ее в себе как величайшее сокровище. Это было даже не священническое чувство, а всечеловеческое подлинное благоговение перед главным творением Божиим – жизнью.

Но как же нет своеволия? Сдержанность, на-верное, воспитание?

Это было у всего поколения 20-х, но отец Глеб как-то не интересовал сам себя, не наблюдал, у него совсем не было того, что мы называем нравом. И в беседах с разными людьми он не объяснял мотивы собеседника психологическим типом его личности. Психология как-то знала свое место при нем. Хотя именно он первым рассказал о психиатре Мелехове, с которым был лично знаком, как тот различал у душевнобольных духовные и душевные болезни, и даже приводил в пример одну больную женщину, которая была духовно совершенно здорова, но ей нельзя было уставать, ее психологический механизм не выдерживал больших нагрузок.

Уважение к жизни, к ее разнообразию, к множеству ее форм не заставило его объяснять изломы и искажения личности по Юнгу, как сейчас делают многие; нет, он чувствовал, что это знание как-то унижает человека, невольно открывая возможность манипуляции его сознанием, чувствами. А для отца Глеба каждый человек был святыней, не сопереживать его слабостям, но выводить сердце из пещеры эгоизма – вот чему он учил нас. Учил? Открывал эту возможность – не быть сосредоточенным на себе, но успеть послужить жизни.

Собственно, и лекции его (он читал апологетику на вот этих катехизаторских курсах), были предлогом к разговору о жизни, о двух ее путях: к жизни и к смерти. Даже не апологетика, которая была ему, как геологу, что называется, по профилю, и радовала всем строем и красотой творения, но чтение Евангелия – вот что восхищало, вызывало восторг в нем. И вначале, когда отец Глеб был еще руководителем курсов, он ходил из аудитории в аудиторию, где отцы вели беседы по Евангелию, по Ветхому завету, по литургике, и, дождавшись удобной паузы, с сияющими глазами обращался к аудитории: а как вы думаете, какое это имеет значение для нас? – и приводил какую-нибудь строчку из Священ-

ного писания, близкую к теме беседы. (Давал в пересказе, конечно, точно цитировал разве что особо важные знаковые словосочетания.) Но это был отнюдь не экзамен, не проверка знаний, ему действительно было, мало сказать, интересно – важно знать, как люди воспринимают слово Божие.

Собственно, более тесные наши контакты возникли после того, как я что-то ответила на один его такой вопрос. Он выслушал, заинтересовался, и сказал, подойдите ко мне в перерыве, вы мне будете нужны. А вы – мне! Не знаю, услышал ли он эту дерзость, контузия снизила ему остроту слуха, но в коридоре подошла: вокруг народ, что говорить – не знаю. И он позвал: «Приходите в Высокопетровский, в Отдел образования, там большая работа идет». Пришла, опоздав, как водится, о чем тогда говорили, не помню, но дел было действительно полно: строили новую жизнь, моя еще не выключившаяся педагогика его не заинтересовала, а вот редактор – привести в порядок программы для педагогов – нужен, и стали работать.

Там была и его вступительная статья о необходимости нешкольного богословия, и примеры, как это можно сделать, он действительно боялся возрождения схоластики и считал, что она может

погубить все дело возрождения и обновления церковной школы и вернуть нас к временам обрядовой внешней веры, а проще, фарисейства. Его отец Глеб угадывал сразу, где только оно наклеивалось – духом чуял. Ну а оно наступало со всех сторон, так как за новое надо было биться, а в старое можно было попасть, сделав всего один шаг назад – и уже, вроде, все как надо: молитвы учат, праздники знают, постятся... а радости нет. А у него была, и он любил повторять: одного молящегося спросили, кто вас так научил молиться? Бесы – был ответ. Про себя говорил, просто мы тогда не знали, как это рогатое ополчение может Божьему делу послужить, время нужно было, чтобы понять: важнее, куда идет дорога, а не какой кнут гонит.

Когда снимали вопросы по рукописи, пришлось применить редакторскую власть, выдворить из комнаты непрерывно говорящих сотрудниц, а столов было штук 6–7, и каждая реплика, по закону физики, слышна всем. А эти все, имея отца Глеба перед собой всегда, может, и не понимали, кто перед ними? «Как плохо, – говорю, – что у вас нет своего кабинета! Чтобы нормальную правку сделать, нужно свои слова слышать, а не чужие». И тут он как-то доверительно кивнул: «Действительно трудно. За по-

следние годы это первый раз так, что у меня нет своего кабинета, все время на людях, мешает сосредоточиться, часто ошибаюсь».

Представляли ли его девочки-сотрудницы, что перед ними профессор, который вел много научных исследований, руководил кафедрой, был вдохновителем многих ученых, – и вот теперь брошен возрождать православное образование в их общей многолюдной комнате, а им по телефону нельзя теперь даже поговорить: он-то молчит, но все равно, долго не удобно... Во фронтовых условиях работал отец Глеб, в полном смысле этого слова: и мобилизация, собранность его была фронтовая, и неотступность, неутомимость – знал, что защищал: «говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели».

Отец Глеб горел этим новым делом: ни в коем случае, говорил, мы не должны повторять ошибок дореволюционной школы! Наше богословие должно быть живым, связанным с душой каждого человека, это не парад знаний, а карта местности, где мы будем жить! Очень интересен был для него опыт мейеровского кружка «Воскресение»; эта московская школа богословия-диалога и обнаружила общность наших взглядов на методику современного православного образования. Мы все собирались вместе пойти по-

искать ту квартиру, где в последнее время этот кружок занимался, отец Глеб говорил, что в высотке на Котельнической набережной, но так и не добежали.

А вот до Харитоньевского – добежали. Там была большая, в два крыла школа имени Некрасова: в перестройку ее начали ремонтировать, порушили немного и бросили. Это здание (а я в то время жила рядом) притягивало меня своей мощью, крепостью. Рассказала о нем отцу Глебу раз, два – а поедете да посмотрим его! Здание Московского епархиального дома в Лиховом переулке, которое некогда было центром духовного просвещения культуры, с 1927 г. занято орденоносной Центральной студией документальных фильмов, она жила, и еще помнили, как туда, прямо с фронтов, привозили в войну отснятый материал боев.

Отец Глеб не считал возможным строить систему духовного просвещения на костях культуры, в Высокопетровском долго танцевала «Березка» в Сергиевском храме, пока ей не нашли подходящего помещения, а ведь когда там начали служить, каждый раз приходилось делать выгородку для алтаря и освящать весь храм. Но он не предавал никого анафеме, не проклинал танцующих, просто стремился все поста-

вить на свои места, восстановить порядок жизни, не сосредотачиваясь на том, кто, когда и по какому поводу его нарушил.

Доезжаем до Кировской, идем по переулкам, еле успеваю за ним – летит! У него была хорошая московская скорость. На эскалаторе еще, когда стали спускаться, спросил: вы ходите? Что? Ходите вы? Опять не понимаю, оказалось, могу ли идти по эскалатору? А был бы один – побежал бы! Через несколько минут подошли к зданию школы, и как же оно ему сразу понравилось! Недаром я надоедала: нельзя его бросать! (Мы еще не знали, сколько всего будет брошено, разрушено, и как мы будем равнодушно на это смотреть!) Нет, равнодушие, теплохладность, как и всякая другая обывательская пошлость были отвратительны ему.

Довоенное еще здание школы стояло утесом на углу Харитония и Грибоедова. Оно было с широкими гранитными лестницами, стена одного корпуса, то ли ее не было, то ли частично порушилась, не помню, пропустила нас, и мы обратились внутрь – и там уже действительно ощутили необыкновенную мощь этого живого каменного существа. (Ведь не скажешь, что Афинский Парфенон не живой – он летит в небе своей Греции, путает ветры в неодинаковых своих колоннах,

и пока реконструкция чужака не убила окончательно его душу, будет дышать и хранить пространство. Так, и другие строения, рожденные человеком, дышат и несут свою каменную судьбу.)

Из одной комнаты, класса мы переходили в другую, и вдруг лестница открылась на второй этаж. Глянул отец Глеб – я быстренько! – и полетел вверх, я, не долго думая, – за ним: и страшно, и весело! «Его можно будет вводить в строй поочередно», – он уже прикидывал, как богословская школа сольется духом с этими мудрыми стенами... Потом даже какое-то ходатайство написали о том, чтобы это здание предоставили под учебные нужды Церкви, помню, ходили с одним из сотрудников Отдела с этой бумагой куда-то... Но мы начинали одну новую жизнь, а в глубинах хитрой эпохи зачиналась другая – противоположная, где никому ничего было не нужно, и страх от порушенных основ сковывал сердца и начинал уже выедать умы.

Отец Глеб всюду спешил сам, но темные воды прибывали, и он частенько наталкивался и на непонимание, а точнее, неприятие этой своей активности, и на вялость, лень окружающих его «спящих борцов», и на скрытый саботаж, которому вокруг активно учились. Его

личное горение нельзя было погасить, но зажечь людей вокруг себя надвигающаяся тьма не давала. Он воевал с ней, так как был воин, но силы были не равны: внешне, вроде, и рождалось новое религиозная образование, новая духовная школа, но дух Евангельский она теряла. И это было главной его заботой и болью, это одно омрачало его по-настоящему: он понимал, что мы отступаем, хотя все говорили, что идем вперед. Его мера веры и жизни была совершенно другой: он во всем искал только внутренней правды. Это была, наверно, привычка честного ученого, который любую ложь выискивал как ошибку в своих расчетах и выводах и считал ее недопустимой. А вокруг все двигались к компромиссу договора с миром. Вот уж чего он не принимал!

Помню в Отделе, он сидит за столом, рядом столы сотрудников, еще какие-то люди, мы только что закончили обсуждать какой-то вопрос, я собралась уходить, слышу: «А кто здесь отец Глеб? Мне надо к нему». «Я! – сияющие глаза. (Как они сияли навстречу людям!) – Что хотите?» «Посоветоваться пришел. Мы вот хотим на базе нового Иерусалима создать такой храм, где все вместе могли бы молиться: и православные, и католики, и мусуль-

мане, и буддисты – все вместе, представляет какая сила будет! Как считаете?»

Что мог ответить отец Глеб ходоку? Он на секунду отвернулся от него, к окну ли, в бумаги ли глянул, на стену ли с иконой – и поднял еще более сияющие глаза, улыбнулся – и твердо сказал: «Соблазнительно как-то». «Соблазнительно? Как это?» Посетитель не очень-то мог понять, что это значит, но понял, что делать этого не надо, поверил без большого разъяснения. (А ведь его и вести было невозможно: на что опираться учителю, когда ученик букв не знает?).

Я была свидетелем, как вопрошающий как-то сразу успокоился, смирился с твердостью тона. Он не был пристыжен, унижен, поправлен, научен, нет, отец Глеб просто «вынул» его из его заблуждения. Да, на время, на сейчас, но мы все видели это чудесное благодатное преображение человека, освобождение гадаринского бесноватого. И когда меня один уважаемый протоиерей просил охарактеризовать педагогов-священников, читающих лекции, и назвал, в ряду прочих, отца Глеба, я была просто поражена – неужели он не видит, не чувствует совершенно особого устройства этого человека, который принципиально отличался от всех! Отличался тем, что действительно любит людей и готов служить

каждому, притом, что он был очень образован, умен, начитан – профессор!

Теперь ясно, что отец Глеб был пророком другой эпохи, другой православной педагогики, не той, которая восторжествовала; и мы, шедшие за ним, все оказались во внутренней эмиграции. Будем надеяться, что временно, он ведь тоже долгие годы был в катакомбной церкви и только в самом конце 80-х был призван на открытое служение. Мы же, вдохнув глоток свободы с ним, увидев действительно «нового человека», оказались неудобны для современной церковно-общественной жизни, слившейся воедино с миром, которого и поругивают в меру, и подпитывают – жить-то надо! И тут вспоминаются слова отца Глеба, которые он не уставал повторять:

«Мы пережили эпоху гонений, не знаю, переживем ли мы гласность!»

Ушел он в 1994, на год пережив великую страну, которую он защищал кровью, словом и мыслью.

2014 г

Содержание

СТИХИ

В твой день	7
«Пока мы каялись, разрушили страну...»	8
«Толст, короток, совсем не грек»	10
Не эпитафия	11
Коктебель. Памятник морякам	12
«Вот эта неживая девочка...»	14
«Дитя, читающее под зонтом...»	15
«Мальчик в отчаянии решил не жить...»	16
«Московская сиротская зима...»	17
«Проболталась, проворовалась...»	18
«Ищу слова. И сколько их!...»	19
«Душа – в крови...»	20
«Москва Россию предала...»	21
«Власть опять у подлецов...»	22
«Вся Россия – село Горюхино...»	23
«Бывает, шелковые строчки...»	24
«Не удовольствий ищет Дон Гуан...»	25
«Нелюбимая дочка, а живет дольше всех...»	26
«Далеко убежала, заманили Москву...»	27
«С дождем как оживилось население сада...»	28
«Кот прилег на бревно...»	29
«Осень цветет...»	30
«Пока жива душа...»	31
«Предатели должны уйти...»	32
«Вы же русские березы!...»	33
«Дети не брали у фрицев конфет...»	34

«Невыносимый этот снегопад!»	35
«Уж сколько лет лежишь в земле!»	36
«Конец апреля...»	37
«Нет, нет, жива!...»	38
«Здравствуй, Георгий!»	39
«Лес идет по земле...»	40
«Какой же стати этот цвет!»	42
«Есть много способов украсть....»	43
«Дезертиров хороним, одного, другого...»	44
«Бесплатной водочки, колбаски...»	45
«Боже, как она хороша!»	46
Рождественское	49
«В руки Твои отдана...»	50
«Там хорошо, и путь туда открыт...»	51
На Покров	52
«Ветры колеблют деревьев леса...»	53
«Мы жили там...»	54
«Ну что, товарищ каша...»	55
«Бомж подал бомжихе грош...»	56
«Не хвалитесь священной кровью ...»	57
«Похоже, мы будем очень рано уходить...»	58
«Еще и прошлый цвет не облетел...»	59
«Ангел в позе экосеза или сарабанды...»	60

Эссе

Их же ради

Список должного	63
Отец Глеб	67

Содержание	86
----------------------	----

Сулова Людмила Васильевна

ДЕРЕВЬЕВ ЛЕСА́

Стихи и эссе

Редактор, корректор *О. А. Сергеева*,
Обложка, макет, верстка *А. Г. Прозоровская*
В оформлении использованы работы
Т. Малюковой и Ф. Сулова

Тираж 200 экз.